

АННА СОРОКОВИКОВА

Наследство

ПОВЕСТИ

Анна Сороковикова
Наследство. Повести

«Издательские решения»

Сороковикова А.

Наследство. Повести / А. Сороковикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900646-2

В книге представлены две повести: «Наследство» и «Крест». «Наследство» — это про то, что можно унаследовать миллионное состояние и остаться нищим... или, укрепив Дух, Веру и любовь к Отечеству, стать победителем.

ISBN 978-5-44-900646-2

© Сороковикова А.
© Издательские решения

Содержание

Наследство	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Наследство Повести

Анна Сороковикова

© Анна Сороковикова, 2017

ISBN 978-5-4490-0646-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследство

1994 год. Недавно нас с братом вызвал письмом нотариус. Каково было наше удивление, когда мы, придя, услышали, что некая Громова Пелагия Николаевна оставила нам в наследство дом в каком-то хуторе российской глубинки. Посмеявшись, мы стали доказывать, что это ошибка, мы сироты, и нас с кем-то спутали. Молодой человек обиженно пояснил, что у него всегда порядок в делах, которые он ведет, во-первых, он еле нашел нас, поскольку улица наша поменяла название, во-вторых он уже был там, все видел своими глазами. Потом он разложил карту и стал нам объяснять что, к чему, от кого и куда... Чем ясней становилась картина, тем мрачней было лицо моего брата... Громова Пелагия Николаевна, тетка по отцу нашему отчиму, баба Поля, мы её вспомнили. Они из деревни Валялино, мы там один раз были в детстве, а километров пять от деревни этот хутор. До революции там был скит женского монастыря со святым источником, при Советах там устроили вроде охотничьей заимки для отдыха партийного руководства. Разное говорили про это место, будто при разорении скита, потопили несколько монашек не далеко в болоте, поэтому часто при веселье безбожного начальства происходили странные случаи гибели кого-нибудь... Постепенно нехорошая слава укоренилась за этим местом, и оно в семидесятые годы пришло в окончательное запустение. В 1992 году, во времена всеобщей приватизации, Пелагия Николаевна с внуком брата, Федором, выкупила этот хутор в собственность.

– И вот сейчас, когда в стране начало возрождаться Православие, когда Церкви возвращают ее владения, мы можем неплохо заработать с этого домика, если подойти с умом – закончил нотариус.

Брат придвинул лист бумаги, нервно потребовал продиктовать, как пишется отказ от доли, сделав меня таким образом единоличным наследником, сказав, что «я все сделаю правильно», он мне доверяет, и выскочил пулей из конторы. Юрист удивился, я заступившись сказал, ему сейчас не до каких-то там «скитских развалин»... А я готов стать наследником.

Вот теперь еду посмотреть, боюсь проспать под монотонный стук колес свой полустанок, там поезд только замедляет ход...

Мы с братом двойняшки, 1962 года рождения. Его зовут Петр, я Павел. Он старше меня на десять минут, и вес его при рождении был на четыреста граммов больше моего. Мама часто в детстве ласково причитала-«заморыш ты мой затоптал тебя Петька, увальень этакий...» Отца своего мы не знали, даже перед смертью мать не открылась. Только изредка, в подпитии, когда мы ее «доставали» своей братской любовью, она, стуча кулаком по столу, надрывно выкрикивала – «Сема, гад, встречу, убью...» – и крупные слезы катились из ее красивых, добрых глаз. А вот отчим, Георгий, в нашей жизни был девять лет. Он появился, когда нам было уже по пять. Человек верующий. На фоне разрушенных храмов, богоборчества, полета человека в Космос, коммунистических строек века, проживание этого «темного, отсталого элемента» с нами, долго воспринималось соседями, как «позорное пятно» в наших биографиях. Правда, с его появлением очень многое поменялось в семье. Сначала всё, нами, привыкшими настаивать на своем, принималось «в штыки». Но этот человек, ни разу не крикнувший на нас, никогда не приложивший к нам руки, все таки успел заложить что-то для нас важное... Что очень удивило, мы перестали быть «увальнем» и «заморышем», а стали Петром и Павлом, первое время не всегда и соображали сразу, что это к нам обращение... даже хихикали. Мама забыла про рюмочки вообще, стала опрятней, спокойней. Матерные слова исчезли из наших разговоров. В доме стало чисто. Было всегда, что поесть.. Самое главное, до нас было кому-то дело. В общем, жизнь посветлела. Через год совместного проживания нас повезли в деревню, где у отчима остались из всех родных (раньше их было пол деревни) только тетка Полина и племянник Федор, который был нам ровесник. Еще в городе Георгий купил подарки всем, а вот

по приезду в деревню разложил на крыльце три свертка нам пацанам, а тетке и маме дома на столе... выбирай любой. У женщин были платки, а у нас машины, только Петьке досталась легковая, а у меня с Федькой были грузовые... Отчим извинился, что одинаковых не было, зато честный был выбор и никто не должен обижаться. Это в его духе, поступать так, чтоб никому не было обидно. Надо сказать, что к тому времени, разница в росте у нас была на голову, Петька выглядел на семь лет, я на пять, у него щеки «кровь с молоком», а я как «бледная поганка», поэтому он всегда верховодил. Тетку удивила такая разница когда она узнала, что мы родились в один день. Неделю они шептались с Георгием, а потом предложили маме окрестить нас... Та ни в какую, но, когда я заболел, искупавшись в речке, согласилась окрестить только меня, уж больно я был плох. После крестин меня было не узнать, расцвел... Я быстро выздоровел, забыл про ушки, сопли, животик... за лето я набрал килограммов пять, и разница в росте составляла сантиметра три... щеки, как наливные яблочки... В деревне мы научились сажать, полоть, копать, поливать... строгать, пилить, рубить дрова и забивать гвозди. У нас каждый день была какая то работа, сделал и отдыхай. С начала мы противились, а потом узнав, что это все делает Федор, наш ровесник один, стали помогать и скоро ощутили такую радость от труда. Взрослые тоже были нами довольны и поощряли нас, то конфетами, то пирогами, новыми рубахами и мы даже были на рыбалке с ночевкой. И еще нас свозили в соседскую деревню и мы видели, как валяют валенки.

Однажды, они уехали на пол дня, оставив нас одних. Мы играли на речке в стройку века. Наши грузовики как угорелые подвозили песок и щебенку, местные пацаны, Семен и Иван помогали загружать и разгружать... легковушка стояла в стороне... Мы намекнули, что ей бы тоже хоть щебенку повозить и услышали в ответ от брата

– Я вообще-то начальника стройки вожу на работу, его машина, он не любит, когда она грязная...

Мы обиделись... Но Георгия не было, чтоб нас рассудить... Петька стоял один, прикрывая легковушку, на него шла стена из четырех, запачканных «вдрысь» работяг со стройки века у которых «горит план»... Сору остановил старенький дедушка, шедший по берегу. Узнав в чем дело, он серьезно и строго сказал Федору

– Через двадцать пять лет тебя эти слова от смерти спасут, а вы обижаться...

Пацаны сказали, что это священник, ему верить можно. Мы тогда ничего не поняли, но драться расхотелось, а тут и взрослые вернулись. Вот и все, что я мог вспомнить примечательного об этой деревне, о бабе Полине, о Федоре. Да, еще я вспомнил, почему Валялино, до революции в этой деревне была артель которая занималась валянием валенок. Монашки из скита их украшали бисером и вышивкой. Знаменитое раньше было место.

Когда нам было по четырнадцать, Георгия не стало. Но он успел научить нас трудиться на совесть, любить и прощать друг друга, чтоб не случилось, и помогать в любой ситуации, быть не только братьями, но и друзьями. Мама после его смерти сильно сдала, стала часто болеть. После девятого класса мы пошли в строительный техникум. Перед армией, мама умерла. Военкомат помог похоронить и один офицер, участник ВОВ, пожалев нас, записал в стройбат. Так что служба была у нас без дедовщины, не далеко от города мы строили офицерские дачи, набираясь опыта по работе... После армии мы жили вместе в нашей квартире. Секретов у нас друг от друга не было. Я кончил курсы автослесаря, газосварщика и работал в автомастерской, строить за два года надоело. Петька ни как не мог определиться, все бегал с места на место. Жизнь его превратилась в сплошной «экстрим», да и моя от этого тоже. То он вывалился в окно третьего этажа женского общежития пьяный. Упал на вскопанный газон и поломал только большой палец левой руки и получил несколько ушибов. То провалился на рыбалке под лед, отвалился неделю с температурой в постели. То его сбила машина, переломаны два ребра и нога... Словно бегал «на краю пропасти», и только какая то неведомая сила берегла его. Я не выдержал и однажды сказал брату, как сильно я его люблю и беспокоюсь... Все утихло. Он стал работать

на стройке. Иногда попадались шабашки и я ему помогал. К нашему двадцати пятилетию мы сделали в квартире хороший ремонт, поменяли мебель, приоделись... и сидя вдвоем за праздничным столом, довольные собой и жизнью пришли к мысли, что теперь можно и жениться. Это оказалось делом не простым. Многим не нравилось, что квартира на двоих. Мы отходили от таких сразу. Где-то к двадцати семи годам мы встретили тех женщин, которых устраивало все, наверно потому, что они к сожалению тоже сироты. Жены были работящие и через два года мы уже имели хорошую жилую дачу. А в девяностом году наша семья была уже из шести человек. Разница у наших сыновей была в месяц, Петькин старший. Когда он назвал его Георгием, я приуныл, поскольку тоже мечтал так назвать первенца. Наши жены умницы, когда и у нас родился сын, назвали его Юрием, объяснив, что это тот же Георгий. В общем жили дружно, если шел «напряг», кто-то уезжал на дачу и недельки через две, три опять воссоединялись. Все понимали как нам повезло и ценили это.

А в стране нашей огромной и так любимой нами творился бардак. Нас выручали наши трудовые руки, поэтому «кусочек хлеба» всегда у нас был. В девяносто третьем году с маленьким Георгием случилась беда. Он бегал во дворе и поскользнувшись на банановой шкурке, стукнулся позвоночником о парапет, перестал ходить. Врачи сказали, что нужна операция за границей, на родине ему не помочь. Да и там исход под вопросом. Петр устраивается шофером, возить какое-то начальство. Всякое говорили про эту контору, она «покрыта мраком», «связана с криминалом»... Но тот сказал, что он только шофер, а за это ему платят хорошие деньги... Только там он сможет заработать на операцию. В доме появилось и «масло к хлебу».

...Но, очень странные события стали происходить вокруг брата. Работа предполагала командировки. У него было их уже три, деньги Петр привез хорошие, а вот радостный свет в глазах стал потухать и с каждым приездом домой он становился все мрачней. Разговоров с нами избегал. Мы только знали, что начальник юрист, Виталий Юрьевич (человек не приметный) и еще трое подручных, почему-то он их звал Белый, Красный и Черный, это очень точно отображало действительность, как потом мы сами увидели. Белый или Моль, кажется Сергей, очень белокожий и белые волосы, наверно, альбинос. Рост средний, худощавый. Одинокий. У него были очень тонкие длинные пальцы с синюшными узкими ногтями. Нос курносый. Взгляд бесцветных глаз был пустой и отрешенный, может от того, что белесых бровей и ресниц на круглом лице не было видно. Улыбки не получалось, один оскал, который оголял кривые зубы. Даже внешне было видно, что этого человека много обижали и он очень озлоблен на жизнь, было жалко. Красный или Карабас-Барабас, Володя. Рост под два метра, широкоплечий, огромная копна медно-рыжих волос с красным трапециобразным лицом, невероятная рыжая волосатость рук, даже на каждой фаланге пальцев. Глазки маленькие, бегающие и всегда «идиотская» улыбка по любому поводу, может для того, чтоб показать свои золотые зубы. Крупный лиловый нос. У него была молодая жена (рожать не хотела), и еще где-то дочь «грешок юности», хвастал он. Черный или Ворон, Руслан, росточка не большого, коренастый, ноги кривоваты. Сросшиеся черные брови, длинные ресницы и иссиня-черные волосы, собранные в хвостик, от этого и глаза его казались крупными черными бусинами на смуглом овальном лице, прямой нос с горбинкой, из под рубашки, вечно расстегнутой на две пуговицы, проглядывалась черно-волосатая грудь. Он был молчалив, поэтому никто про него ничего не знал.

В четвертую командировку они ездили без начальства. Петр прибыл более задумчив и молчалив, чем всегда. А потом началось...

Через две недели Белый был на охоте и чуть не утонул в болоте, попал в психбольницу. После этого через десять дней погиб Черный, его избили и ночью бросили на шоссе под летящую на скорости машину. Еще через две недели на даче на Рыжего набросился его питбуль Вий, изуродовал пол лица и кисть правой руки, пришлось ампутировать. Жена бросила его и даже ни разу не пришла в больницу. Мы стали уговаривать Петра уйти от Виталия Юрьевича. Брат только нервно посапывал и молчал... А через неделю он примчался очень возбужденный,

сказав, что начальник смылся за границу, кажется с женой Красного... он свободен. У-Р-А!!! Но где теперь заработать недостающие на операцию деньги?..

Год мы все работали, как проклятые, сэкономили на чем могли, переехали жить на дачу, а квартиру сдали... И все равно до заветной суммы нам было как до луны...

И вот такое везение, наследство! Нотариус сказал, можно что-то заработать... Почему Петр совсем потух? Почему замкнулся и даже начал прикладываться к рюмке?... Почему отказался от всего?.. Одни почему.

...С такими думками подъезжал к своему заветному полустанку... Смеркалось. Я, стоял на краю насыпи, взглядом провожая уходивший поезд. Очень удивился, когда в наступившей тишине, меня вдруг окликнули. Вглядевшись, увидел на проселочной дороге, уходившей в лес, телегу. Подошел. На ней сидели двое, милиционер и священник.

– А вы как узнали, что я еду? Добрый вечер! – начал я радостно и растерянно лопотать.

– Нотариус доложил. Здоров, с приездом! Иван! – протянул руку милиционер и приветливо заулыбался.

– Что, сын мой, всё ли дома хорошо? Все ли живы здоровы? – вдруг басом загудел священник, и по-молодецки спрыгнув с телеги, как медведь заграбастал меня в свои объятия – Ну, здорово, Павел, не узнал? Да это же я, Федор!

– Благословите, батюшка! – неожиданно для себя и всех, сказал я, наступила пауза, а потом мы дружно рассмеялись.

– Трогаем, запрыгивайте на телегу, время для разговоров целая ночь... – сказал Иван – ну, милая, пошла...

Сумерки спустились быстро. Небо усыпало звездами. Луна улыбалась нам всей своей полнотой. Лес был не густым и поэтому этого яркого завораживающего света хватало с избытком. Поочередно, каждая птаха своей особой песенкой, заканчивала пролетевший день и встречала наступающую ночь. Потихоньку лес укладывался спать. Иногда прорывался беспокойный звук, это мы кого-то тревожили своим появлением, но шум быстро умолкал и только иногда ветер пробегал по уже спящим ветвям, создавая сказочный ночной шепот и начинался необыкновенный танец теней. Вокруг все было таинственно волшебным. И от этого тревога за брата и племянника вдруг как-то разом отошла и сердце сказало – «Теперь все будет хорошо!»

– Ну что, власть, давай на боковую, тебе завтра целый день по району мотаться, а мы потихоньку о жизни поговорим – пробасил Федор, забирая вожжи у Ивана. Тот без сопротивления, в полудреме перелез на середину телеги и тут же мирно засопел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.